

Юрий Иванович Терёхин

Гуляя в яркое солнечное воскресенье со мной в Юсуповском саду, мама услышала по радио о нападении Германии на Союз.

С 1941 года у двухлетнего ребенка осталось воспоминание о деревянном крокодиле с движущимися лапами и хвостом и ощущением опасности сверху. Крокодила, как и стулья, сожгли в буржуйке, — ощущение опасности сверху осталось.

Жизнь спас рыбий жир, бутылочки которого до войны я предусмотрительно закатывал в труднодоступные места, на нем поджаривали блокадный хлеб, упоминался столярный клей и найденная среди книг плитка шоколада.

В помойку дома (угол Марата и Колокольной), в котором мы жили на 4-м этаже, попала авиабомба, но не взорвалась.

Отец все 900 дней блокады на Обуховском заводе ремонтировал военную технику.

Дед (отец матери) умер в сентябре 1941 года от голода, даже не похудев.

Два сына его (мои дяди) погибли на Ленинградском фронте.

Бабушка с младшей дочерью эвакуировалась на Урал.

Средняя дочь была ранена в шею на рытье окопов очередью из «мессершмитта».

Старшую дочь (мою маму) моё присутствие спасло от рытья окопов. Ходить я уже не мог и противостоял врагу, только писая в его сторону, то есть куда угодно.

Мама со мной и сестрой отца эвакуировалась 1-го апреля 1942 года по Ладожскому озеру на Большую Землю. Ехали в открытом кузове грузовой машины, мама держала меня в одеяле на руках. После в поезде целый месяц ехали на Северный Кавказ, где оказались на оккупированной немцами территории, но выжили, так как кто-то помогал, а кое-кто закладывал.

Блокада очень нефотогеничная пора, ничего героического для мирного населения нет.

На фотографиях запечатлены лица обоих моих дядь, 1924-го и 1926-го года рождения вместе с матерью, перед уходом на фронт. Оба не вернулись с войны.